

18+

Людмила Андреева

Где тебя
ждут

Людмила Андреева

Где тебя ждут

«Издательские решения»

Андреева Л.

Где тебя ждут / Л. Андреева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518438-2

Аркаша умер на операционном столе. Врачи были бессильны что-либо сделать... Тяжело было сознавать, что сына больше нет. Могильный холмик навсегда скрыл в себе его тело. Первое время Клавдия Аркадьевна часто ходила на кладбище, сидела на скамеечке, плакала. Но однажды ей приснилось, что Аркаша тонет в речке. Она увидела его глаза, полные укора и страдания, немой мольбы...

ISBN 978-5-00-518438-2

© Андреева Л.
© Издательские решения

Где тебя ждут

Людмила Андреева

Посвящаяю всем, ждущим своих детей, матерям.

© Людмила Андреева, 2021

ISBN 978-5-0051-8438-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На окраине небольшого городка в уютном чистеньком домике вот уже более пятидесяти лет жила Клавдия Аркадьевна Лисина. Похоронив шесть лет назад мужа, она доживала свой век одна. У нее было два взрослых сына и дочь. Дети выросли, стали самостоятельные и разлетелись в разные концы необъятной ранее страны. Время очень беспощадно к людям. И с Клавдией Аркадьевной оно поступило не лучшим образом, на старости лет оставив ее один на один с насущными проблемами, от которых долгими и зачастую бессонными ночами начинала болеть голова.

Встав утром, измотанная ужасной бессонницей, Клавдия Аркадьевна ставила на газовую плиту чайник и приводила себя в порядок. Чай стал для нее необходимым ритуалом, во время которого она приходила в себя от одолевающих мыслей, доставляющих ей головную боль. То ли дело было раньше, когда была значительно моложе и красивее... Тогда казалось, что все еще впереди и жизнь прекрасна и беззаботна. Вокруг так много всего заманчивого и интересного, что просто дух захватывало от всевозможных планов устройства дальнейшей судьбы. Ей тогда и в голову не приходило даже, что все окажется до обидного прозаично, не похоже на сказку, что рисовало наивное воображение. Да и что говорить об этом, если с высоты прожитых лет жизнь превратилась в просмотренный фильм, наподобие длинного сериала. У нее, пенсионерки со стажем, только и оставалось занятий, что вспоминать молодость, стремительно пролетевшие годы и не реализованные в свое время желания и надежды...

Родители называли ее ласково: Клавочка... Кареглазая, с большим бантом в волосах, она была любимицей взрослых. Отец, бывало, придя с работы, брал подбежавшую ему навстречу Клавочку на руки и нес к большому, обшитому кожей дивану. Посадив к себе на колени, вытаскивал из кармана пряник или конфету и давал ей, маленькой и любимой дочурке... Эти дни раннего детства были самым светлым пятном в ее жизни. Середина двадцатых годов, время НЭПа: разрешена частная торговля, и отец Клавы, в прошлом купеческий сын, открыл свой магазин галантереи в одном из крупнейших городов России. Правда, свобода эта длилась недолго, и Клавочкиной семье пришлось спешно уезжать, бросив все, в захолустную провинцию. Там и начинали жизнь практически с нуля.

В памяти от того времени осталось нудное чувство неустроенности и ощущение страха, что снова придется срываться с обжитых мест. Они долгое время жили, не распаковывая чемоданов и узлов с пожитками. Отец уже не баловал дочь сладостями, да и у Клавочки вскорости появился братик, который все время плакал и действовал ей на нервы.

Однажды она сказала матери:

– Давай отнесем Данилку обратно в больницу, мы без него так хорошо жили! Он нам не нужен!..

На что ей мать ответила:

– Неужели тебе не жаль братика, ведь он такой маленький и беззащитный! И он очень нуждается в нас!..

– Но нам он не нужен!.. – упрямо твердила Клавочка. – Как Данилка стал жить с нами, вы стали возиться только с ним, а я хочу, чтоб мои папа и мама любили лишь меня...

Мать в ответ только улыбалась и гладила дочку по голове, говоря ей, что они ее тоже любят. Но на протяжении долгих лет детская ревность жила в Клавочкиной душе, отравляя жизнь. Ей казалось, что никто не любит ее, потому что она считалась большой. Клавочку лишили возможности быть ребенком, с нее требовали помогать понемногу маме. Теперь у них не было, как раньше, няни, им приходилось делать все самим. Отец был обыкновенным служащим в государственном учреждении и получал жалование, которого хватало лишь на содержание семьи. Клавочка постепенно стала ненавидеть братика, требующего постоянного внимания к себе. Она чувствовала себя заброшенной и никому не нужной. Молча глотая слезы, она с горечью думала о своей, как ей казалось, никчемности, тоскуя по безоблачному раннему детству, где для Клавочки все было прекрасно, ведь ей не приходилось ни с кем делить родительскую любовь... Когда Клавочка пошла в школу, у них родилась маленькая Машенька, и Данилка уже был полностью на ее попечении. К тому же в школе над ней дети стали смеяться и передразнивать, когда она ответила, что ее зовут Клавочкой. И она стала Клавой. Учеба у нее шла хорошо. Клава старалась и отцу не приходилось за нее краснеть на родительских собраниях.

Пролетали годы. Клава из хорошенькой девочки превратилась в стройную и симпатичную девушку с легко узнаваемыми отцовскими чертами лица. То, что многие ребята ей оказывали внимание, она воспринимала как должное. Клава мечтала о том, что ее избранник будет красивым и умным, верным и добрым человеком, таким же, как и ее отец.

Еще Клава увлеклась запрещенным в те года Есениным. Его считали упадническим поэтом...

– Нет, никто так не может писать!.. Никто. – Клава вздохнула. – Ни у кого из поэтов нет такого лиризма, у него в стихах печальная грусть, и эта грусть заставляет думать о том, что не все на свете так совершенно, как хотелось бы, и ничто на белом свете не вечно... Есенин описывает природу так, что его личные чувства и образы тесно переплетаются с русским пейзажем, они мелодичны и душевны.

Поговорить о Есенине можно было тогда лишь с самыми верными друзьями. Такой подругой для Клавы была Зина. Ей она читала стихи любимого поэта:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы – кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле,
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,

Чтоб скорей ее покинуть.

Зина, положив обе руки на гнутую спинку стула, а подбородок на руки, молча слушала подругу.

– Или вот еще одно, посвященное другу и поэту Клюеву:

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

– Да... «Но в сердце дома не построил...» Как все слова точно подобраны... Слушай Клава, а ты сама не хотела бы писать так же, как и он? – Зина с любопытством посмотрела на подругу.

– Что толку хотеть, если я знаю, что у меня ничего не получится.

– Почему?

– Я слишком его люблю, чтобы подражать, подражание будет выглядеть нелепо, – Клава встала и подошла к висевшему на стене зеркалу. – И вообще, человек должен оставить после себя что-то неповторимое.

В комнату зашел двенадцатилетний Данилка. Кинув взгляд на девчонок и взяв с этажерки книгу, он направился к двери.

Когда дверь за Данилкой захлопнулась. Зина улыбнулась:

– Какой у тебя братишка растет, красавец...

– Скажешь тоже! Пацан как пацан, ничего особенного, – чуть ли не фыркнула Клава. – Во всяком случае не такой задира, как Сенька Воронцов...

– Ну, Сенька еще тот парень!.. Любка вон от него ежедневно чуть ли не плачет.

– Ему давно пора выйти из детства, а он все никак не повзрослеет, – Клава вздохнула. – Наверное, всегда будет вести себя как первоклашка... Ох и досталось всем нам тогда!.. Помнишь, как он всех девчонок за косы дергал, прохода не давал?

– Да, Марья Ивановна не знала, как его обуздать. Такой непоседа был, ужас!..

– Да и кому его учить было, ведь он рос с отцом, без матери... Жаль его вообще-то, – Клава опустила глаза. – Не может он с девчонками иначе. Ему бы себя совсем по другому вести... Из-за поведения его и в комсомол не приняли...

– Ты права. Он себе только вредит.

– Если бы он учился похуже, вряд ли в школе стали бы терпеть его выходки. Кстати, Веня говорит, что у Воронцова большое будущее.

– Может быть... – задумчиво сказала Зина. – Представляешь, наш хулиганистый Сенька Воронцов – профессор физико-математических наук!..

Клава улыбнулась. Все могло быть. Сенька был таким вундеркиндом точных предметов, что перед каждой контрольной работой весь класс не давал ему покоя. Ради его помощи можно вытерпеть все его насмешки... Он просто не умел себя вести с девчонками иначе. Как-то Сенька подошел к той же Любке с приглашением пойти в кино, но та помня все его грубые выходки, ошарашено смотрела на него, хлопая голубыми глазами.

– Молчанье – знак согласия!.. – и Сенька, дернув пассию за косу, выбежал из класса.

У Любки на глазах появились слезы, и она чуть не вскрикнула от боли.

– Дурак!.. – только и прошептала она.

С ним вообще невозможно было общаться, он то и дело выкидывал подобные номера, держа всех девчат в постоянном напряжении.

– Что ж, натуру не переделаешь. – Зина встала. – Ладно, я пойду. А то я своим сказала, что долго не буду.

– Хорошо. Завтра в школе встретимся. – Клава проводила подругу и села за учебники. На носу были выпускные экзамены.

Березняк на окраине городка стал негласным местом сбора выпускников, так как именно через него пролегал путь к тихой речушке, где встречало свой первый рассвет молодое поколение. После торжественного вручения аттестатов в актовом зале школы юноши и девушки собрались на полянке этого березняка, возле небольшого костра. И в предрассветных сумерках белые березки с распушенными изумрудными ветвями напоминали стройных девушек – вчерашних школьниц.

Клава сидела на расстеленной куртке одноклассника Вениамина Репина и смотрела на чистое звездное небо. Казалось, там, на небе, среди мерцающих звезд, она пыталась увидеть ожидающее ее будущее, такое загадочное и манящее. Сам Вениамин полулежал на траве, подперев ладонью подбородок, и открыто любовался Клавой: густые полукружья бровей, длинные черные ресницы и маленькая родинка возле рта.

– Ребята, а давайте встречаться каждый год на этом месте!.. – озвучил мысль, витавшую в головах у многих присутствующих здесь, Сергей Иванский, теперь уже бывший комсорг их класса. – Ведь это же интересно узнавать о достижениях и успехах каждого...

– А что, дельное предложение! – Воронцов даже подскочил от избытка чувств. – Я – за...

– Встретиться, конечно же, неплохо. Но я уверен, что большинство забудет об этом: появятся новые интересы, друзья, дела! Не до этого всем нам будет, – прагматично заявил Витька Коршунов.

Ребята зашумели. Им, вчерашним школьникам, уже объатым сентиментальной ностальгией по ушедшим годам детства и отрочества и только-только вступившим на путь взрослых, фраза Коршунова показалась кошунством.

Зина, возмущенно вспыхнув и пытаясь подавить негодование, сказала:

– Забыть о школьных годах?! Да это невозможно! Это... это смахивает на предательство. Предательство самого себя в первую очередь...

– А я думаю, что Витя прав!.. – поддержала Коршунова Лара Васильева, отличница и активистка класса. – Через год нам будет не до этого. Кто пойдет работать, а кто учиться дальше. Хорошо, если через пять лет мы все тут встретимся.

– Еще, говорят, война будет, – вставил кто-то из ребят.

Зина снова возмущенно заявила:

– Этого не может быть! У нас с немцами подписан пакт о ненападении!

– Ну и что?.. – возразил ей Коршунов. – К тому же не надо забывать и о японцах!

Все затихли. Им не хотелось даже думать о плохом, ведь приближался рассвет нового дня. Всем хотелось верить в лучшее. После затянувшейся паузы, потушив костер, ребята парами пошли к реке встречать солнце, а затем разбрелись кто куда...

Клава до мельчайших подробностей помнила все произошедшее дальше. Да и как забудешь первый поцелуй с мальчиком, который признался тебе в любви, да еще стихами любимого Есенина... Веня Репин ей тоже нравился. Статный, русоволосый, зеленоглазый, с волевым подбородком, он был героем Клавиных снов. Они долго гуляли вдвоем в утреннем лесу и за эти часы, пожалуй, узнали друг о друге гораздо больше, чем за все годы совместной учебы. Им очень не хотелось расставаться, словно они подсознательно чувствовали, что больше такой возможности у них не будет.

В их судьбы вмешалась война. Многие из одноклассников, в том числе и Вениамин Репин, сразу же после выступления Молотова по радио пошли в военкомат записываться добровольцами на фронт. Клаву и еще несколько девушек из их класса пригласили в райком комсомола, где и вручили путевки на фронт, в полк, созданный для обороны столицы. Тяжелое и жуткое было время, страшное. Клава не любила его вспоминать. Много крови и боли, страданий выпало на долю многонационального народа. Да и война совсем не женское дело...

Первый налет вражеских самолетов ввел Клаву в состояние оцепенения. Ей захотелось спрятаться куда-нибудь, зажать уши, чтобы ничего не слышать: ни гула летящих машин, ни свиста падающих бомб, ни их разрывов. Первое время животный страх преследовал Клаву, даже фронтовые «сто грамм» не помогали. Алкоголь вообще был ей противопоказан. Ее всю выворачивало наизнанку от выпитого спирта. Клава теряла способность не только наблюдать, но и действовать. Говорят, что человек ко всему привыкает. Неправда. К такому нельзя привыкнуть, адаптация со временем наступает, но остается ощущение потери реальности. Кажется, что все, что в данный момент происходит, это лишь кошмарный сон, от которого хочешь скорее очнуться. И в таком состоянии Клава провела долгих четыре года, которые хотелось напрочь вычеркнуть из жизни, из памяти, из судьбы. Все, что потом писалось и читалось о войне, было совсем иное. Это более сглаженное, рафинированнее, вообще не сравнимое с действительностью... Когда сам участвуешь в подобной бойне, убивая живого человека, пусть даже безжалостного врага, медленно, но верно убиваешь себя и свою душу. Кажется, что еще немного и сойдешь от увиденного и испытанного с ума. Душа становится сплошной раной от бессмысленных и жестоких потерь, когда гибнут подруги-зенитчицы, знакомые, друзья, родные и совсем чужие люди. Смерть никого не щадит. Но она научилась приказывать себе держаться и не впадать в панику.

Права оказалась Лара Васильева: после выпускного вечера нескоро одноклассники снова встретились. Из их класса с войны вернулись только двое ребят: Витька Коршунов и Иван Савенко, оставивший на полях сражений ноги. Собрались они помянуть павших, навечно оставшихся в памяти молодыми, полными сил и надежд, те, кто волею судьбы выжил в те жуткие годы. Ничем не залечить рану, нанесенную войной, она будет напоминать о себе до последнего дыхания, до последнего проблеска сознания. Невозможно смириться с этим кошмаром, но ничего уже не исправить.

Клаве повезло, она осталась жива. После полученной контузии и четырех ранений вернулась домой, где ее ждали мать, братишка и сестренка. На отца еще в первый год войны была получена похоронка.

После войны Клава поступила в педагогическое училище и осуществила давнюю мечту, стала учительницей начальных классов. Клава, теперь уже Клавдия Аркадьевна, с замиранием сердца заходила в свой первый класс. На нее с неподдельным интересом и любопытством смотрели тридцать пять пар глаз. Девочки с бантами в волосах и немного лопухие мальчики, коротко подстриженные, с чубчиками на лбу или же под ноль, опрятно одетые по случаю пер-

вого дня их учебы. Доверчивые и наивные, в чем-то немного и глупые, ловившие каждое ее слово и забавно отвечавшие на ее вопросы.

– Кто это, – кто мне скажет? – Клавдия Аркадьевна показала картинку с красивым петухом классу. – Ну-ка, Шура, скажи нам.

Кругленький, как колобок, Шура пыхтя встает из-за парты:

– Кречет.

– Не кречет, а петух, – поправляет мальчика Клавдия Аркадьевна.

– Но, Клавдия Аркадьевна, как он может быть петухом, если он – кречет?..

Клавдия Аркадьевна с улыбкой поправляет мальчика:

– Кречет – это хищная птица отряда соколиных, Шура...

– Кречет кречет и есть!.. – упрямо твердит Шура. – А петух? Я не знаю такого слова. И мама, и папа, даже старенькая баба – все его так кличут. И я привык...

– Ну разве что у вас принято так. Только, разница между этими птицами большая, а правильное название этой птицы – петух...

Начнешь детишкам что-то интересное рассказывать, а они слушают раскрыв рты ловя каждое твое слово. И сразу заметно, если дети что-то не понимают. У них сразу появляется отсутствующий взгляд. Клавдии Аркадьевне нравилось чувствовать себя властительницей ребячьих душ. Может, потому, что она умела находить общий язык с детьми. Ее бывшие ученики запомнили первую учительницу и оказывали всяческие знаки внимания. С этой стороны Клавдии Аркадьевне жаловаться не на что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.